

Он не понимал, почему Лу Люкун всегда считал, что он не справляется с домашними делами. На самом деле Цзян Юй долгое время жил один и прекрасно справлялся. Он быстро приготовил кофе и уже собирался подняться наверх, чтобы устроить Лу Люкуну разбор полётов, но, открыв дверь, его пыл поутих.

Лу Люкун, прижав к себе документы, уже спал.

Когда Цзян Юй открыл дверь и увидел Лу Люкуна, он на мгновение замер.

Этот большой менеджер всегда был безупречно собран, продолжая традиции строгой и ответственной работы ещё со времён старшей школы. Даже его очки излучали аскетичный минимализм. Но сейчас он лежал на столе, наполовину уткнувшись лицом в рукав, и просто спал.

Цзян Юй осторожно подошёл. Лу Люкун недавно мыл голову, и теперь его волосы были пушистыми и мягкими, как шерсть белки. Свет настольной лампы мягко падал на его лицо, создавая нежные тени, словно покрытые мягким светом.

— Какой же он красивый.

— Так устал, что же ты делал вчера ночью? — тихо пробормотал Цзян Юй, осторожно ставя чашку кофе на стол.

Он огляделся, думая: «Может, накрыть его одеялом?»

Но в комнате было только одно одеяло, и никакого пледа. Поэтому он повернулся и пошёл в свою спальню, чтобы принести своё. Ещё не войдя, он увидел, как Лу Люкун, слабо опираясь на лоб, уже проснулся.

Большой менеджер закрыл глаза, потёр виски, сделал маленький глоток кофе и спросил:

— Куда ходил?

— Принести тебе одеяло.

Лу Люкун удивлённо посмотрел на него:

— Ты вообще додумался принести одеяло?

— Почему бы и нет? Я так же заботился о младшем брате, которого усыновила моя мама, — ответил Цзян Юй, держа в руках мягкий комочек, и вдруг осознал, что совершил глупость. — Э-э-э, может, мне стоило разбудить тебя и отправить спать в кровать? Это было бы лучше?

— Не нужно, я закончу просмотр и потом пойду спать.

— Ты всё ещё смотришь? — Цзян Юй повысил голос. — Ты в таком состоянии, а всё ещё не спишь?

— Сегодняшние дела — сегодня.

— Опять началось, точные как часы требования к себе.

Цзян Юй вздохнул, неожиданно почувствовав себя матерью, заботящейся о ребёнке.

Когда он учился в старшей школе, в их классе был одержимый отличник, который каждую ночь сидел за учебниками, доводя себя до изнеможения. Его тёмные круги под глазами были такими густыми, будто он принимал наркотики. Родители были в ужасе, боясь, что их сын умрёт от переутомления. Другие родители просили учителей заставлять детей учиться больше, а его родители просили учителей уговорить сына меньше заниматься и больше спать. История этого отличника широко распространилась по всей школе и до сих пор влияет на младших учеников.

Сейчас, глядя на Лу Люкуна и его огромные тёмные круги под глазами, Цзян Юй вдруг почувствовал связь с той матерью и очень захотел заставить Лу Люкуна пойти спать.

Но их отношения были всего лишь отношениями менеджера и артиста, и он не знал, насколько срочными были дела Лу Люкуна. Цзян Юй залез под одеяло, высунул голову и сказал:

— Спокойной ночи.

Лу Люкун, держа ручку, казалось, не привык к такому интимному приветствию. Он замолчал на мгновение, а затем тихо ответил:

— Спокойной ночи.

Его голос был глубоким, с лёгким носовым оттенком только что проснувшегося человека, и это буквально взбудрило Цзян Юя.

«Чёрт, — подумал он. — Почему это так приятно звучит?»

Лу Люкун продолжал писать, раздавался лишь шелест страниц. Цзян Юй ворочался под одеялом, долго не мог заснуть и наконец спросил:

— Кстати, я ведь твой единственный артист? Почему так много работы?

Он хотел сказать, что если из-за него у Лу Люкуна столько работы, то он извиняется. Но Лу Люкун, имея свои скрытые мотивы, услышал в его словах откровенное сомнение: «Разве у тебя только один артист? Разве один артист может создавать столько работы?»

Большой менеджер решительно закрыл ноутбук и твёрдо заявил:

— Нет, я уже закончил.

Цзян Юй не стал сомневаться, освободил место и зевнул:

— Тогда спим.

Лу Люкун, который только что выглядел так, будто будет работать до рассвета, как только лёг на подушку, сразу же заснул.

Бедный Лу Люкун не отдыхал уже две ночи, и сегодня он наконец сдался. Цзян Юй взглянул на его тёмные круги под глазами и подумал: «Завтра, наверное, придётся принести ему два больших яйца».

В следующие несколько дней всё было спокойно. Старик Гао Ивэнь высоко оценил трудолюбие Цзян Юя. Сам Цзян Юй тоже не был глупым, и хотя его база была не очень сильной, роль в сценарии, благодаря его собственным размышлениям и руководству Гао Ивэня, уже была почти освоена.

Цзян Юй также наконец встретил того ребёнка, которого подписала Элис. Он был высоким, с чистой кожей и солнечной внешностью, но только что вошёл в индустрию, и у него был немного снобистский характер, он смотрел свысока на Цзян Юя как на «неудачника».

В тот день Цзян Юй держал в руках термос с травяным чаем, а ребёнок громко поставил перед ним стакан с колдой и, оглядев его с ног до головы, спросил:

— Ты Цзян Юй?

Цзян Юй был полностью поглощён коммерческим фильмом режиссёра Ли, восхищаясь его яркими фильтрами, и, увидев перед собой человека, снял наушники и сказал:

— Я Цзян Юй, а ты?

Ребёнок смотрел сверху вниз:

— Хэ Ян, я из актёрской школы.

Первой реакцией Цзян Юя было:

— Молодёжная группа Китайского научно-технического университета?

Хэ Ян:

— ?

— А-а-а, — наконец осознал Цзян Юй. — Какой факультет? Очень приятно.

Нельзя винить Цзян Юя за первую реакцию. Он сам был самоучкой, и за эти годы в шоу-бизнесе он не слишком старался. Если бы не Лу Люкун, этот трудоголик, который не допускал провалов, он, возможно, вообще бы не задержался здесь, и ему было всё равно на такие вещи.

Хэ Ян почувствовал, что его оскорбили.

— Элис сказала мне, что мы конкуренты, — он поднял подбородок, глядя на Цзян Юя острым взглядом. — Твой сценарий, мне тоже назначили прослушивание, и я пробуюсь на ту же роль.

Цзян Юй не придавал этому значения, это была просто здоровая конкуренция, поэтому он небрежно ответил:

— Ну, это хорошо, сценарий неплохой, жду твоего выступления, — и щёлкнул мышкой, снова погрузившись в мир плохих фильмов.

Хэ Ян:

— ...

Он облокотился на стол Цзян Юя:

— Ты действительно не боишься, что я заберу твою роль?

Цзян Юй:

— ?

Он усмехнулся:

— Эй, такие вещи нельзя заставить. Если это твоё, то твоё, если моё, то моё. Бояться бесполезно, это всё судьба.

Хэ Ян неожиданно разозлился.

— Такой неуч, бездельник, не стремящийся к успеху, как я могу быть его соперником!

Он громко поставил стакан с колодой и ушёл.

А потом его отругал его менеджер.

Элис была ниже Хэ Яна на полголовы, и, стоя рядом с ним, она выглядела довольно хрупкой, но ругала его без колебаний, грозно предупреждая:

— Я сказала тебе встретиться с Цзян Юем, чтобы вы могли пообщаться как коллеги, а ты что? Сразу начал классовую борьбу?

Хэ Ян упрямо ответил:

— Разве вы не сказали, что он мой конкурент, и что вы и его менеджер боретесь насмерть?

Элис:

— ...

Элис тоже не знала, что делать. Лу Люкун, этот коварный человек, время от времени интересовался его артистом, а его величество Лу, ослеплённый своими планами, уже не мог держать ситуацию под контролем и приказал Элис играть свою роль. Бедный сотрудник мог только временно схватить Хэ Яна, который на самом деле не был достоин войти в «Чанлэ». Она боялась, что молодой человек выдаст себя, и не рассказала ему правду, планируя вместе сыграть Цзян Юя. Но при первой встрече Хэ Ян и Цзян Юй уже разошлись.

Она вздохнула, пытаясь быть объективной:

— Эй, соревнование — это второстепенно, дружба — прежде всего. Это не борьба насмерть, в шоу-бизнесе взлёты и падения, и каждый друг — это новый путь.

Хэ Ян был одним из лучших в своей актёрской школе и, наконец подписав контракт с компанией, он был несравним с Цзян Юем, который, казалось, появился из ниоткуда. Он не мог понять, почему его ставили на один уровень с ним, и немного возмутился:

— Я видел его шоу... Он даже не снимался в фильмах! У него нет чувства кадра, а я вхожу в топ-10 на факультете, а он вообще не закончил университет!

Элис вздохнула:

— Он не учился на актёрском, он учился на химическом факультете университета Юнчжоу, это вообще не связано с актёрским мастерством, какая разница, закончил он или нет.